

УДК 141.2
ББК 87.62

ТЕРРОРИЗМ КАК ПОБОЧНЫЙ ЭФФЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНА ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

И.М. Семашко

Дискуссия о судьбе проекта «модерн» продолжается в свете изменений современной геополитической расстановки сил: раскола Запада, угроз международного терроризма, нестабильной политической обстановки на Востоке, противостояния ООН и американского правительства. «Глобальный терроризм» рассматривается Юргеном Хабермасом в рамках модернистского дискурса как защитная реакция, направленная против секуляризованной власти Запада. Идеологическая позиция Хабермаса определяется как «максимальный рационализм» «старых левых» и подвергается критике с альтернативных позиций философов-постмодернистов.

Ключевые слова: *модерн, постмодерн, модернизация, секуляризация, глобальный (международный) терроризм, «11 сентября», «война против терроризма».*

Дискуссия о судьбе проекта «модерн» и о том, насколько адекватно и точно концепт «модерн» описывает состояние современности и позволяет прогнозировать сценарии развития будущего, – одна из центральных дискуссий западной философии последних десятилетий. Дополнительную остроту и актуальность эта дискуссия получает в свете изменений современной геополитической расстановки сил: раскола Запада, угрозы международного терроризма, нестабильной политической обстановки на Востоке, противостояния ООН и американского правительства.

Содержание термина «модерн» мыслится предельно расплывчато и интуитивно, ус-

кользая от попыток конкретизации (ср.: [6], [2, с. 95]). Можно выделить три ключевых исследовательско-философских направления в стремлении определить границы смыслового поля модерна.

Во-первых, «модерн» – это историческое понятие западной цивилизации. Оно возникло и оформилось в качестве паттерна европейского представления о Всемирной (Универсальной) Истории (подробнее об истории формирования и развития понятия «универсальная, или всеобщая, история» см.: [8, с. 18, 23–24, 26; 11, с. 142–153; 13, с. 17–18, 22–23, 102–104, 114–115]).

Во-вторых, модерн – это определенный этап в рамках европейской истории. Границы легитимности его употребления задаются двумя трехчастными схемами: 1) «Античность – Средние века – Новое время; 2) «Традиция (Премодерн) – Модерн – Постмодерн» (см., напр.: [1; 7; 10; 12; 16, с. 64–65, 70–79, 83–85]).

В-третьих, модерн – это особый дискурс, духовный проект, который не идентифицируется с каким-то конкретным историческим периодом, или определенным учением, или интеллектуальным направлением (см. подробнее: [16, с. 52, 64–65, 68–69, 104]). Это особый проект современности, суть которого заключается в «полном новоустановлении традиции», когда ничто больше не имеет авторитета или значимости, за исключением разума, понимаемого как прогрессивное, авангардное сознание (см.: [2, с. 96]).

Последнее определение модерна задается Юргеном Хабермасом – немецким социологом, философом Франкфуртской школы, ведущим теоретиком модерна в качестве идеологического, исторического и социального проекта. Отличительной особенностью концепта «модерн» у Хабермаса является понимание его «незавершенности», несмотря на провал проекта Просвещения и появление новых исторических, культурных и философских направлений «не-модерна», «контр-модерна» и «пост-модерна».

Помимо «традиционных» характеристик проекта «модерн», таких как модернизация и индустриализация [16, с. 64, 73–78, 92], рационализация и инструментальная рациональность [там же, с. 50–56, 77–79, 110–111], культ науки [там же, с. 57, 62–63, 79, 87–89, 98], «онаучивание» знания, техники и практики, вера в научно-технический и социальный прогресс [там же, с. 117–126, 131–133], в своих последних выступлениях Юрген Хабермас отмечает также «фундаментализм и глобальный терроризм» (см. напр., речь 14 октября 2001 г. в церкви Св. Павла во Франкфурте-на-Майне по случаю присуждения Премии мира Биржевого союза немецкой книготорговли [14, с. 117–131]; интервью Дж. Боррадори в декабре 2001 г. [15, с. 9–29]; интервью Э. Мендиета в ноябре 2003 г. [там же, с. 77–101]).

Так, интервью Юргена Хабермаса преподавателю философии Vassar College Джованни Боррадори, в котором он оценивает ситуацию в мире после событий 11 сентября 2001 г., называется «Фундаментализм и террор». Хабермас критически подходит к устойчивой интерпретации «11 сентября» как беспрецедентного, радикально изменившего европейское (и не только) сознание, поворот-

ного пункта «мировой истории» (ср. напр., оценку событий 11 сентября послом Германии в РФ Э.-Й. фон Штудницем: [18, с. 22–29]).

Свой «скептицизм» Хабермас объясняет сопоставлением террористической атаки 11 сентября с другими событиями всемирного значения: «...не с Пёрл-Харбором, но с событиями августа 1914 года. С началом Первой мировой войны закончилось мирное, в известной степени беззаботное время. Начался век тотальных войн, тоталитарного угнетения, механизированного варварства и бюрократического массового убийства. Но только в ретроспективе мы сможем узнать, было символическое разрушение цитадели капитализма в южном Манхэттене глубокой цезурой или эта катастрофа всего лишь подтвердила таким бесчеловечно-драматическим способом давно уже осознанную уязвимость нашей сложной цивилизации» ([15, с. 10–11], ср.: [5, с. 40]).

Таким образом, хотя, с одной стороны, только реальная история вынесет свой приговор касательно иерархии исторических событий, с другой стороны, Хабермас все же отмечает ряд особенностей, позволяющих считать «11 сентября» переломным эпизодом истории и даже первым всемирно-историческим событием в строгом смысле этого слова.

Прежде всего, «символическая мощь целей, которые подверглись атаке: террористы разрушили одну из икон в иконостасе сознания американской нации» [15, с. 12]. Далее, присутствие телекамер и СМИ, мгновенно превративших локальное событие в глобальное: «действие разворачивалось буквально на глазах у мировой общественности и сделало население всего мира оцепенелыми свидетелями» [там же, с. 12–13]. В качестве третьей новации Хабермас называет неуловимость террористов: они не привязаны к конкретной территории и поэтому с ними практически невозможно бороться. «Фактически неизвестно, кто же враг; терроризм, который мы однозначно связываем с Аль-Каидой, не позволяет идентифицировать противника и реально оценить опасность. Личность Усама бен Ладана выполняет скорее представительские функции» [15, с. 13].

Данный ряд новаций позволяет Хабермасу дополнить имеющуюся классификацию терроризма. Терроризм после событий 11 сентября приобрел новое качество: «своеобразную мотивацию и логику денационализованного насилия, действующего в масштабах всего мира в виде слабо сплетенной сети» [15, с. 163]. В мире модерна, реализующем политику глобализации, терроризм приобретает глобалистские черты. «В лице международного терроризма, распространившегося по всему миру, характеризующегося зыбкими связями, действующего рассредоточенно, децентрализованно, мы встретились с новым явлением, которое не стоит опрометчиво сводить к чему-то знакомому» [там же, с. 88].

Хабермас противопоставляет глобальный (международный) терроризм терроризму прошлого, локальному терроризму, представленному двумя разновидностями: старомодный терроризм палестинцев, исповедующий принцип справедливого возмездия традиционного общества – «око за око», «жизнь за жизнь»: «здесь речь идет о смерти и убийстве, о безжалостном уничтожении врагов, женщин, детей» [там же, с. 18–19]; и террор в парамилитаристской форме партизанской войны, напоминающий национально-освободительные, революционные движения или борьбу за независимость.

Глобальный терроризм характеризуется анархичностью, отсутствием реалистических целей. Он современен и модернизирован в соответствии с развитием научно-технического прогресса, что позволяет ему минимальными усилиями вызвать серьезные деструктивные последствия, цинично используя уязвимость сложных систем (см.: [5, с. 41]). При этом, по мнению Хабермаса, данный вид терроризма отличает специфическая непрагматичность (с точки зрения западного мышления): он направлен против врага, которого нельзя победить. Поэтому единственно возможным эффектом террористических атак Хабермас считает рост уровня растерянности и тревоги правительства и населения, что может вести как к панике и разрушению социальных и государственных связей, так и, наоборот, к росту солидарности внутри общества и усилению государственного влияния и контроля (см.: [15, с. 9–10, 19, 49–50, 87; 5, с. 41]). Оба этих эта-

па – деструктивный и солидаризирующий – были пройдены Америкой осенью 2001 года.

Синтезируя популярные концепции западных исследователей, Хабермас называет главной причиной глобалистской мутации терроризма в XXI в. ключевые направления развития и достижения проекта «модерн»: глобализацию, вестернизацию, модернизацию, секуляризацию и др. «Быстрая и радикальная модернизация на родине террористов лишила этих людей своих корней, в перспективе не предлагая им никакой компенсации за боль, причиненную распадом традиционных форм жизни» ([14, с. 118]; ср.: [5, с. 41; 15, с. 16–18; 16, с. 51; 17, с. 118–121, 125–126]).

Согласно этой позиции, терроризм является органичным продуктом эпохи Просвещения, порождением отторгаемой модернизации, реакцией общества на влияние идеологии модерна и социальную дезинтеграцию. Секуляризация приводит к появлению когнитивных диссонансов, тесно связанных с утратой ясной эпистемической ситуации соотношения веры и знания, эмансипацией человека от комплексов сакрально-традиционного сознания, а также изменением места религии в структуре общества и государства (см.: [18, с. 27]).

Развивая сформулированную позицию в рамках диалогического подхода и кросскультурной коммуникативистики, Хабермас возводит причины возникновения и перерождения терроризма к ситуации «культуркампаф» (Kulturkampf) – конфликта миров, войны различных культур, того, что Сэмюэл Хантингтон определил как «столкновение цивилизаций». (ср.: [4, с. 44–48; 9, с. 84–85; 14, с. 117–119, 126; 15, с. 20–24, 176; 18, с. 23, 28–29]). Выход из сложившейся ситуации Хабермас видит в разработке и внедрении диалогического (коммуникативного) сознания и особой переводческой практики: с языка религиозного на язык секулярный и наоборот.

Это позволит остановить волну насилия и избежать серьезных, непоправимых политических ошибок, таких, например, как ловушка «асимметричного ответа», гиперреакции, когда государство компрометирует себя путем использования неадекватных средств в борьбе с террором. «Асимметрия между гигантской разрушительной силой ракет с электронным наведением, элегантно расчерчивающих небо, и архаической дикостью орд бородатых воинов, вооруженных авто-

матами Калашникова, на земле – остается своего рода моральной непристойностью» [15, с. 12].

В подобную ловушку и угодило правительство Джорджа Буша, интерпретировавшего террористические удары как «объявление войны» Западу и в ответ провозгласившего «первую войну XXI века», «войну против терроризма» (см. подробнее: [там же, с. 20], ср.: [18, с. 25]). Результатом изначально неоднозначной в моральном и правовом отношениях «войны против терроризма» для США стала утрата безусловного статуса нормативного гаранта и оплота демократии: по оценке экспертов и широкой общественности, «война против терроризма превратилась в войну против гражданских свобод» (см.: [15, с. 86–87; 4, с. 47–48]). Это связано во многом с тем, что не имеющее государственной организации, децентрированное насилие террористов не вписывается в рамки *jus ad bellum* – принятых социально-политических категорий и правовых норм ведения государственных войн (см. подробнее: [4, с. 47; 15, с. 32–36, 83–95, 137, 163, 176]). Возможно, поэтому в интервью газете «Financial Times» министр национальной безопасности США Джанет Наполитано заявила, что администрация Барака Обамы отказалась от понятия «глобальная война с терроризмом» [19].

Модернистской оценке событий 11 сентября и феномена терроризма Юргена Хабермаса противоположны концепции французских, американских и отечественных исследователей-постмодернистов (см., напр.: [5, с. 41]). Так, французский философ-постструктуралист Жан Бодрийяр интерпретирует терроризм как средство противодействия тоталитарному и террористическому миру симулякров, воплощенному в Западе (и прежде всего в США, в «American way of life»), через символический «дар-вызов» средствами самоубийства и жертвоприношения. «Откликом на смерть может стать только смерть: система поставлена перед необходимостью совершить самоубийство в ответ, что она явным образом и делает в форме растерянности и слабости. Ни полиция, ни армия, никакие институты власти с ее потенциалом насилия ничего не могут сделать против ничтожно малой, но зато символической гибели одного или нескольких людей. Вызов обладает смертоносной эффективностью. Чтобы принять вызов, система может только умереть в ответ, развалиться»

([3, с. 100–101], ср.: [3, с. 97–99, 288]). При этом Бодрийяр подчеркивает непрагматический характер террористического противодействия, отмечая именно непрагматизм, то есть включение механизма «дара» в качестве альтернативного языка прагматическому, рационально-расчетливому гуманизму Запада.

Вместе с Бодрийяром подобной постмодернистской терминологией в описании «глобального терроризма» пользуются и другие философы постмодерна. Они отмечают такие качества, как анонимность и бессубъектность террористов; сетевую, ризоматическую структуру организации; активное использование технологий и технауки; интенсивное взаимодействие со СМИ и виртуальную сторону акций и политических действий; экономическую востребованность и продаваемость; и т. д.

Юрген Хабермас активно использует постмодернистские смыслы и понятия, стремясь представить терроризм как явление модерна и избегая при этом постмодернистских коннотаций. Хабермас считает, что постмодерн в своем отрицании и неприятии философского модерна вовсе не выходит за его понятийные границы, так как дискурс модерна одновременно является и его собственным контрдискурсом. Более того, Хабермас утверждает, что это противоречие для модерна является сущностно необходимым и изначальным.

Отделяя себя от традиции, модерн вынужден черпать свою нормативность из самого себя, однако при этом границы собственной легитимности (в духе кантовской «Критики») он также должен определять сам. Впервые на эту двойственность модерна обратил внимание Гегель. Он же выявил и сформулировал основные понятия и принципы модерна, а также наметил ключевые направления решения проблем модерна, в рамках которых, по мнению Хабермаса, развивалась и продолжает развиваться вся последующая философия критики и преодоления модерна (см. подробнее: [17, с. 13–16, 21–22, 32, 35–43, 47–49]).

Таким образом, Хабермас лишает постмодерн статуса нового этапа философии постсовременности, пришедшей на смену философскому проекту «модерн», так как постмодерн воспроизводит аргументацию контрдискурса, развивая уже содержащиеся в модерне альтернативные варианты освещения и осмысления.

На наш взгляд, в этом проявляется политическая ангажированность, непроговоренная идеологическая задача Юргена Хабермаса: реанимировать проект эпохи Просвещения и вписать в рамки модерна как незавершенного проекта актуальные события современности.

«Апология модерна» Хабермаса может быть описана под знаком «максимального рационализма» «старых левых». (В этом отношении интересна классификация оценок, трактовок и интерпретаций корреляции эпох модерна и постмодерна, предлагаемая Александром Дугиным [6].) Согласно этой концепции, «старые левые» выступают главными идеологами проекта «модерн» и отрицают проект постмодерна. Они стремятся расширить классическую рациональность до глобального телеологического проекта, основать максимально разумный и упорядоченный строй, доведя до последних границ основные тенденции Просвещения.

Такой подход позволяет идентифицировать интеллектуальную и идеологическую позицию Хабермаса, соотнести избранный им способ решения проблемы «глобального терроризма» как побочного эффекта модернизации с существующими позициями отечественных и зарубежных исследователей, вписать выстраиваемую иерархию ценностей и легитимаций модерна как незавершенного проекта в мировой историко-философский и социокультурный контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бражников, И. Православие и постмодерн: иллюзии и перспективы [Электронный ресурс] / И. и Я. Бражниковы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravaja.ru/look/10436>. – Дата обращения: 31.12.2006. – Загл. с экрана.
2. Быкова, М. Гегелевский феномен современности, или Насколько Гегель близок к модерну / М. Быкова // Логос. – 2001. – № 5-6. (31). – С. 95–111.
3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступит. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
4. «Война против терроризма» – взгляд экспертов / Д. Тренин [и др.] // Вестник Московской школы политических исследований. – 2002. – № 1 (20). – С. 44–48.
5. Гириенко, Ю. Post aetatem nostram / Ю. Гириенко // Вестник Московской школы политических исследований. – 2002. – № 1 (20). – С. 39–42.
6. Дугин, А. Пост Модерн? [Электронный ресурс] / Александр Дугин // Элементы. – 2000. – № 9. – [Электрон. версия жур.]. – Режим доступа: <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=549>. – Загл. с экрана.
7. Дугин, А. Постмодерн и Россия. Телос истории: от традиции через модерн к постмодерну [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2655>. – Загл. с экрана.
8. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Сочинения : в 8 т. Т. 8 / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – С. 12–28. – Примечания: с. 660–662.
9. Луис, Б. Ислам и Запад / Б. Луис. – М. : Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. – 317, [3] с.
10. Малер, А. Преодоление Постмодерна [Электронный ресурс] / А. Малер. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://katehon.ru/top/philosophia/preodolenie_postmoderna.htm. – Загл. с экрана.
11. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные сочинения : в 9 т. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1985. – С. 139–172.
12. Оргина, И. Переживет ли человечество эпоху постмодерна? [Электронный ресурс] / И. Оргина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1370>. – Загл. с экрана.
13. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ : Ермак, 2007. – 588, [4] с.
14. Хабермас, Ю. Вера и знание / Ю. Хабермас // Будущее человеческой религии. На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2002. – С. 115–132.
15. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2008. – 192 с.
16. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. О. В. Кильдюшкова. – М. : Праксис, 2007. – 208 с.
17. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне : Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. – Изд. второе, испр. – М. : Весь Мир, 2008. – 416 с.
18. Штудниц, Э.-Й. фон. Диалог культур в мире завтрашнего дня / Э.-Й. фон Штудниц // Вестник Московской школы политических исследований. – 2002. – № 1 (20). – С. 22–29.
19. FT: США отказались от термина «война с терроризмом» [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике : [сайт]. – 2009. – 30 июня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/news/11912.html>. – Дата обращения: 01.02.2010. – Загл. с экрана.

**TERRORISM AS THE MODERNIZATION BY-EFFECT
IN THE JURGEN HABERMAS'S CONCEPTION OF MODERN**

I.M. Semashko

The project «modern» destiny is discussed in the view of changes within the modern geopolitical balance of forces: the split of the West, threats of the international terrorism, the unstable political situation in the East, the UNO and American government confrontation. Ju.Habermas interprets the phenomenon of «global terrorism» in the modernistic discourse as a defensive reaction against the West secularizational. Habermas' ideological position is determined as «maximum rationalism» of the «old left-wing» and is criticized by the postmodernistic philosophers' alternative positions.

Key words: *modern, postmodern, modernization, secularization, global (international) terrorism, «9/11», «war against terrorism».*